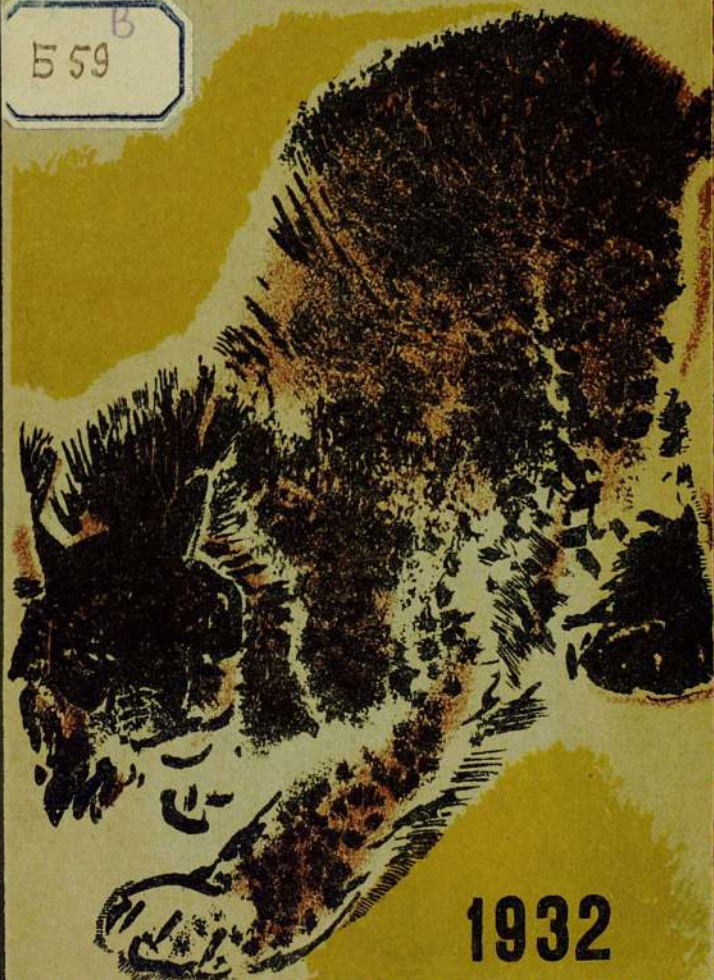

Виталий Бианки
МУРЗУК

Б 59

1932

В

Для среднего возраста

Б 59

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

Б 59

w 138

М У Р З У Б

Н О В Е С Т Ь

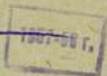
Р И С У Н К И
Е. ЧАРУШИНА

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1932
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

36224

16835

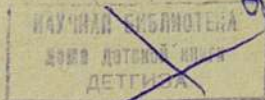
213-287

645585 Кх. ред

Российская государственная
детская библиотека

645585-40

Ответств. редактор Л. Липавский.

Книга сдана в набор 8/IX 1932 г.

Д. 82, Огиз № 2420.

Бумага 82 X 110 см.

Тираж 20 000.

14/4 печ. л.

(82 720 печ. зн. на 1 бум. л.).

Техн. редактор А. Николаев.

Подписана к печати 25/X 1932 г.

Ленгорт № 55 689.

Заказ № 1163.

Бум. лист. 21/8.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НА ПРОСЕКЕ

Из чащи осторожно высунулась голова зверя с густыми бакенбардами и черными кисточками на ушах. Раскосые желтые глаза глянули в одну, потом в другую сторону просеки, и зверь замер, насторожив уши.

Старик Андреич с одного взгляда признал бы прятавшуюся в чаще рысь. Но он в эту минуту продирался сквозь частый подлесок сажен за сто от просеки.

Андреичу давно хотелось курить. Он остановился и потянул из-за пазухи кисет.

Рядом с ним в ельнике кто-то кашлянул.

Кисет полетел на землю. Андреич сдернул ружье с плеча и быстро взвел курки.

Между деревьями мелькнула рыже-бурая шерсть и голова косули с острыми ветвистыми рожками.

Андреич сейчас же опустил ружье и наклонился за кисетом. Старик никогда не бил дичи в недозволенное время.

Между тем рысь, не заметив поблизости ничего подозрительного, скрылась в чащу.

Через минуту она снова вышла на просеку. Теперь она несла в зубах, бережно держа за шиворот, маленького рыжего рысенка.

Перейдя просеку, рысь сунула детеныша в мягкий мох под куст и сейчас же пошла назад.

Через две минуты второй рысенок барахтался рядом с первым, и старая рысь отправилась за третьим и последним.

В лесу послышался легкий хруст сучьев.

В один миг рысь вскарабкалась на ближайшее дерево и скрылась в его ветвях.

В это время Андреич разглядывал следы вспугнутой им косули. В тени густого ельника лежал еще снег. На нем виднелись глубокие отпечатки четырех пар узких копыт.

— Да тут их две было, — соображал охотник. — Вторая, верно, самка. Дальше просеки не уйдут. Пойти разве поглядеть?

Он выбрался из чащи и, стараясь не шуметь, напрямик зашагал к просеке.

Андреич хорошо знал повадки дичи.

Пробежав несколько десятков сажен, косули почувствовали себя в безопасности и сразу перешли на шаг.

Первым вышел на просеку козел. Он поднял украшенную рожками голову и потянул в себя воздух.

Ветер дул прямо от него вдоль просеки. Поэтому козел не мог учуять рыси.

Он нетерпеливо топнул ногой.

Из кустов выскочила безрогая самка и остановилась рядом с ним.

Через минуту косули спокойно щипали у себя под ногами молодую зелень, изредка поднимая головы и осматриваясь.

Рысь хорошо видела их сквозь ветви.

Она выждала, когда обе косули одновременно опустили

головы, и бесшумно скользнула на нижний сук дерева. Сук этот торчал над самой просекой, сажених в двух от земли.

Густые ветви теперь не скрывали зверя от глаз косуль.

Но рысь так плотно прижалась к дереву, что ее неподвижное тело казалось просто наростом на толстом суку.

Косули не обращали на него внимания.

Они медленно подвигались вдоль просеки к ожидавшему их в засаде хищнику.

Андрейч выглянул на просеку шагах в пятидесяти дальше ели, на которой сидела рысь. Он сразу заметил обеих косуль и, спрятавшись в кустах, стал следить за ними.

Старик никогда не пропускал случая поближе взглянуть на пугливых лесных зверей.

Косуля-самка шла впереди. Козел на несколько шагов отстал от нее.

Вдруг что-то темное камнем сорвалось с дерева на спину косули.

Козел сделал отчаянный прыжок и мгновенно исчез в чаще.

— Рысь! — ахнул Андрейч.

Раздумывать было некогда.

Бах! Бах! — один за другим грянули выстрелы двухстволки.

Зверь высоко подскочил в воздух и с воем упал на землю.

Андрейч выскочил из кустов и изо всей мочи побегал по просеке. Страх упустить редкую добычу заставил его забыть осторожность.

Не успел старик добежать до рыси, как зверь неожиданно вскочил на ноги.

Андрейч остановился в двух саженьях от него.

Внезапно зверь прыгнул.

Сильный удар в грудь опрокинул старика навзничь.

Ружье далеко отлетело в сторону. Андрейч прикрыл горло левой рукой.

В то же мгновение зубы зверя вонзились в нее до самой кости.

Старик выхватил из-за голенища нож и с размаху всадил в бок рыси.

Удар был смертельный. Зубы рыси разжались, и зверь свалился на землю.

Еще раз для верности ударил Андрейч ножом и проворно векочил на ноги.

Но зверь уже не дышал.

Андрейч снял шапку и вытер со лба пот.

— Ух! — произнес он, тяжело переводя дух.

Страшная слабость внезапно охватила Андреича. Мышцы, напряженные в смертельной схватке, сразу обмякли. Ноги дрожали. Чтобы не упасть, он должен был присесть на песок.

Прошло несколько минут, пока наконец старик пришел в себя. Прежде всего он свернул цыгарку измазанными кровью руками и глубоко затянулся.

Накурившись, Андрейч промыл у ручейка раны, перевязал их тряпкой и принялся свежевать добычу.

МУРЗУК ПОЛУЧАЕТ ИМЯ И ПОМИЛОВАНИЕ

Маленькой бурый рысенок лежал один в логове под корнями вывороченного дерева. Мать давно утащила обоих его рыжих братьев. Он не знал, куда и зачем. У него на днях только прорезались глаза, и он еще ничего не понимал. Он не чуял, как опасно оставаться в родном логове.

Прошлой ночью буря сильно накренила соседнее дерево. Огромный ствол ежеминутно грозил рухнуть и похоронить под собой рысенят. Вот почему старая рысь решила перетаскать своих детенышей в другое место.

Маленькой рысенок долго ждал матери. Но она не возвращалась.

Часа через два он почувствовал сильный голод и стал мяукать. С каждой минутой мяуканье становилось громче.

Мать все не приходила.

Наконец голод стал невыносимым, и рысенок сам отправился разыскивать мать. Он вылез из логова и, больно тыкаясь подделеповатой мордочкой то в корни, то в землю, пополз вперед.

Андреич стоял на просеке и разглядывал шкуры убитых зверей. Туша рыси была уже зарыта в землю, а туша косули тщательно убрана в мешок.

— Должно, целковых двадцать дадут, — говорил старик, разглаживая густой мех рыси. — Ежели б не раны от ножа, — все бы тридцать дали. Фартовый мех!

Шкура была, действительно, на редкость велика и красива. Темносерый мех почти без примеси рыжего цвета был сверху густо усажен круглыми бурыми пятнами.

— А что мне с этой делать? — соображал Андреич, поднимая с земли шкуру косули. — Вишь ведь как изрешетил!

Заряды, направленные в рысь, попали и в косулю. Тонкая кожа животного была насквозь пробита крупной дробью.

— Увидит кто-нибудь, подумает: „старик маток бьет“.

Ну, не бросать же добро; стану под голову себе стелить.

Андрейч бережно скатал обе шкуры мехом внутрь, обвязал ремнем и перекинул за спину.

— До темени надо домой поспевать; — и старик уже тронулся было вдоль просеки, как в чаще послышалось тихое, жалобное мяуканье.

Андрейч прислушался.

Писк повторился.

Андрейч скинул ношу на землю и пошел в чащу.

Через минуту он вернулся на просеку, держа в каждой руке по рыжему рысенку. Зверки старались освободиться и пискливо мяукали.

Один из них сильно царапнул державшую его руку.

Ишь, ведьмин пащенок! — озлобился Андрейч. — Уже когти в ход пускаешь! Весь в мать.

Старик с размаху шмякнул рысенка головой об пень.

Вслед за первым полетел и второй.

— Не на себя же вас оставлять! — отворачиваясь проворчал Андрейч.

Ему стало не по себе при виде убитых детенышей и хотелось оправдать себя.

Подняв с земли крепкий сук, он стал копать для рысенят яму.

От долгого крика бурый рысенок совсем охрип и все только полз и полз вперед, сам не зная, куда.

Чаща кончилась, и он очутился на открытом месте: логово рыси было в нескольких шагах от просеки. Что-то шевелилось впереди. Но глаза рысенка, привыкшие к сумраку чащи, не видели Андрейча, рывшего суком землю.

Смутное чувство страха заставило рысенка прижаться к земле. Однако через минуту голод пересилил, и зверек побрел дальше — прямо на стоявшего к нему спиной Андрейча.

Старик обернулся как раз в ту минуту, когда рысенок подполз к его ногам. Андрейч протянул руку за трупами рысенят и неожиданно увидал рядом с ними живого зверка.

— Ты откуда? — опешил старик.

Рысенок осел на задние лапки и слабо мяукнул, открыв розовый ротик.

— Совсем котенок! — сказал Андреич, с любопытством разглядывая рысенка.

Рысенок опять пополз, неловко перевалился через корень и кубарем скатился в яму.

— Сам в могилу пожаловал! Глупыш! — засмеялся Андреич, наклонился и вытащил рысенка из ямы.

— Ишь, усищи растопорчил! А глаза-то раскосые — настоящий татарин Мурзук Батыевич!

Тут голодный рысенок лизнул шершавым язычком подставленный ему палец.

Проголодался? — участливо спросил Андреич. — Как же теперь быть с тобой? Надо бы пристукнуть да закопать вместе с братьями...

— А ведь не убить мне тебя, сироту! — вдруг весело рассмеялся старик. — Ладно уж, живи! В избе у меня будешь расти, мышей пугать. Полезай, Мурзук, за пазуху!

Андреич быстро закидал землей убитых рысенят, вскинул мешок на спину и торопливо зашагал домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕТСТВО И ВОСПИТАНИЕ

Андреич был лесной сторож.

Он жил в избушке в самой середине своего участка. С трех сторон избушку обступил лес. С четвертой тянулся большой луг. По лугу пробегала дорога в ближнее село.

Старик был одинок. Хозяйство его состояло из коровы, лошади, десятка кур и дряхлого лягавого кобеля.

Кобеля звали Кунак. Хозяин оставлял его сторожить избу, когда надолго уходил в лес. Так случилось и в этот день, когда старик убил рысь.

До дому Андреич добрался уже в сумерки. Кунак приветливым лаем встретил хозяина.

— Гляди-ка, — говорил старик, сваливая с плеч добычу, — во какую я дичину добыл!

Почувлав запах рыси, Кунак поднял шерсть дыбом и заворчал.

— Что, брат, не любишь? Лютый зверь. Чуть не загрыз меня, проклятый!

— А вот, гляди: котенок махонький. Мурзук прозывается.

— Цыц! не трогай! Вместе жить будем — привыкай.

Войдя в избу, Андреич достал из-под кровати плетенку и положил в нее зверька. Потом принес полную кринку, обмакнул в молоко палец и поднес его рысенку.

Голодный рысенок сейчас же слизал молоко.

— Пьет! — радовался Андреич. — Обожди, соску тебе сделаю.

Свернув трубочку из крепкой тряпки, Андреич налил в нее молоко и сунул рысенку в рот.

Сперва Мурзук захлебывался, потом дело пошло на лад.

Через десять минут, сытый и довольный, рысенок крепко спал, свернувшись клубком в своей новой постели.

Спустя неделю Мурзук выучился лакать молоко из плошки. К этому времени он окреп на ногах и целыми днями весело играл на полу, точно домашний котенок.

Андреич часто забавлялся с ним. Кунак еще подозрительно приглядывался к маленькому хищнику.

Но скоро и он был побежден.

Раз как-то, когда старый кобель дремал под лавкой, Мурзук подкрался к нему и угнездился у него на груди. Кунаку это было приятно и он сделал вид, что не замечает дерзкого малыша.

С этих пор Мурзук взял за правило спать вместе с кобелем и не обращал никакого внимания на его притворное ворчанье.

Скоро они так подружились, что даже ели из одной плошки.

„Вот это дело! — думал, глядя на них, Андреич. — Пес добру научит рысенка“.

И верно: дикий котенок заметно перенимал привычки своего старшего друга. Он также доверчиво относился к хозяину, так же слушался каждого его приказания.

Случалось Мурзуку разбить и вылакать кринку молока, погнаться за курами или еще как-нибудь напроказить, но довольно было сердитого окрика хозяина, чтобы умный зверь понял свою вину. Он сейчас же ложился на землю и подползал к Андреичу, виновато виляя хвостиком.

Ни разу старик не пустил в ход палки.

У Андреича никогда не было семьи, и весь богатый за-

пас своей доброты он отдавал домашним животным. Он много на своем веку держал и диких зверей. Для всех он умел найти дело и терпеливо обучить ему.

И все звери, каких только ему не приходилось держать, становились его добровольными слугами и верными друзьями.

Когда Мурзук подрос, нашлось и для него дело в хозяйстве Андреича.

На деньги, вырученные за шкуру старой рыси, Андреич купил себе козла с козой. У бородатого, сердитого козла был дурной характер. Старику стоило больших трудов загонять упрянца в хлев.

Он обучил это делать Кунака.

Мурзук не отставал от своего друга ни на шаг и каждый вечер помогал ему отыскивать коз, далеко забредавших в лес.

При виде молодой рыси козы в страхе бросались бежать, и загонщикам оставалось только направлять их к дому.

Осенью околел дряхлый Кунак.

С этих пор Мурзук занял в лесной сторожке место собаки. На него перешли все ее обязанности.

Андреич брал Мурзука с собой в лес, обучал загонять дичь на охоте, оставлял сторожить избу, когда сам уезжал в деревню. И Мурзук весело подчинялся всем приказаниям хозяина.

Слух о ручной рыси старика Андреича прошел по всем окрестным деревням. Люди приходили издалека поглядеть на диковинного зверя.

Одиноким старик был рад гостям. Чтобы их потешить, он заставлял Мурзука проделывать разные фокусы. Гости удивлялись силе, ловкости и замечательному послушанию зверя.

На глазах у всех Мурзук одним ударом лапы перешибал толстые сучья, рвал зубами сыромятные ремни, отыскивал в траве жаворонка, схватывал его на лету и выпускал по первому слову хозяина.

Многие предлагали Андреичу большие деньги за Мурзука. Но старик только головой качал. Он крепко любил зверя и ни за что не хотел с ним расстаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Прошло три года.

Душный летний день уже клонился к вечеру.

На дороге к сторожке Андреича показалась большая телега, запряженная парой. Впереди сидел возница в поддевке и человек в пальто и котелке. Позади них к телеге была привязана большая железная клетка.

У ветхого плетня возница придержал лошадей и хотел слезть отворить ворота.

В эту минуту с крыши избы бесшумно соскочила огромная рысь.

В три прыжка зверь очутился у плетня. Четвертым он легко перемахнул высокий плетень и внезапно появился перед испуганным возницей,

Лошади шарахнулись в сторону, подхватили и понесли.

Человек в котелке что-то громко крикнул и замахал руками.

Андреич вышел из избы.

Он увидел, как седок выхватил вожжи из рук возницы и заставил лошадей дать широкий круг по лугу.

— Мураук! — крикнул Андреич. — Ступай, друг, назад. Нечего тебе гостей пугать. Гляди, уж не новое ли начальство пожаловало?

Мураук вернулся, лизнул хозяину руку и улегся у его ног.

— Уберите вашего дьявола, — кричал седок. — Лошади разнесут!

— Айда на крышу! — тихонько приказал Андреич.

Рысь ловко вскарабкалась вверх по балкам.

Андреич отворил ворота. Лошади, косясь и вздрагивая, вошли на двор. Седок соскочил и подошел к Андреичу.

— Моя фамилия, — сказал он резким голосом, — мистер Джекобс. Я командирован администрацией зоологического сада. Вашу ручную рысь я уже видал. Действительно, великолепный экземпляр. Сколько вы желаете за нее получить?

Андреич стоял огушенный потоком незнакомых слов.

— Я спрашиваю вас, — нетерпеливо повторил м-р Джекобе, — какую сумму вы желаете получить за рысь?

— Да она не продажная, — испуганно пролепетал старик — вам это зря сказали.

— Напротив, меня предупреждали, что вы не захотите продать ее. Но это вздор! Я вам даю сорок рублей.

Андреич растерялся. Нужные слова не шли на память, и он не знал, как отказать этому важному барину.

— Пятьдесят рублей? — предложил м-р Джекобе.

Андреич молча покачал головой, переминаясь с ноги на ногу.

— Иван! — обернулся м-р Джекобе к вознице. — Распрягайте лошадей и задайте им овса. Мы здесь ночуем.

— Милости прошу! — обрадовался Андреич. — Пожалуйте в избу. Сейчас самоварчик поставлю!

Про себя старик подумал: „Ишь, скорый какой! Отдай ему Мурзука! Ну, теперь ладно: за чайком объясню все толком“.

М-р Джекобе несколько минут разглядывал спокойно раскинувшуюся на крыше рысь, повернулся и решительно вошел на крыльцо.

Самовар векипел быстро.

Андреич крикнул с крыльца возницу:

— Ступай, сынок, в избу, чай поспел.

Но кучер не решился двинуться с места: Мурзук снова соскочил с крыши и стоял рядом с хозяином.

За три года он сильно вырос. Теперь от кончика носа до хвоста в нем было добрых полтора аршина. Он перерос даже свою мать. Он был высок на ногах, плотно сложен, а пышные бакенбарды, грозно растопыренные усы и пучки черных волос на ушах придали его лицу особенно свирепое выражение. На сером мехе с темными пятнами не было и следа рыжих волос.

— Он смирёный! — улыбнулся Андреич, ласково трепля Мурзука по щеке. — Ступай, Мурзук, ступай в лес! Пора тебе на охоту. А понадобится — позову.

Мурзук неохотно пошел в лес.

Он не любил оставлять хозяина одного, когда приезжали гости. А у этих был еще такой страшный вид. Мурзук в первый раз видел людей в городском платье.

Но слово хозяина — закон.

Мурзук перескочил через плетень и исчез в лесу.

За чаем Андреич первый заговорил с гостем.

— Не обижайтесь, гражданин Мистер, на старика. Сами рассудите: человек я старый, больной. Без Мурзука никак мне с хозяйством не управиться. Зарез мне теперь без него.

Старик говорил правду: за последние годы он весь поседел и выглядел совсем дряхлым. Ревматизм его мучил.

Но м-ру Джекобсу не было решительно никакого дела до хозяина; ему нужен был зверь.

Битый час убеждал он старика продать рысь, просил, угрожал и повышал цену.

Ничего не помогало.

— Так вы решительно отказываетесь? — Спросил, наконец, м-р Джекобе, сдвинув брови.

— Не могу, хоть убейте! — твердо сказал Андреич. — Друг он мне, сын родной, а не зверь.

М-р Джекобе с грохотом отодвинул стул и коротко спросил:

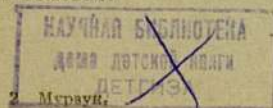
— Где спать?

— А вот сюда пожалуйста! — засуетился Андреич, показывая на лежанку. — Туточка почище. Овчинный тулуп вам постелю и под голову чего-нибудь разыщу.

Старику было очень неприятно, что пришлось отказать гостю. Он всеми силами старался угодить м-ру Джекобсу чем мог.

В куче старого тряпья попалась ему шкура косули, убитой старой рысью — матерью Мурзука. Шкура была мягка и приятна на ощупь.

Андреич сложил ее вдвое, мехом вверх, и положил в изголовье.

М-Р ДЖЕКОБС ВЫИГРЫВАЕТ ПАРИ

М-ра Джекобса постигла крупная неудача: он проиграл пари. Самолюбие его было жестоко задето, и он не мог спать.

М-р Джекобс всю жизнь прожил в России. Но в глубине души он был истым англичанином. Он любил упражнять свою волю, заключая трудные пари, и выигрывал их, несмотря на все препятствия.

Служил м-р Джекобс в зверинце, при котором был увеселительный сад. Учреждение это громко называлось Зоологическим садом.

Два дня тому назад заведующий зверинцем передал м-ру Джекобсу дошедшие до города слухи о ручной рыси лесного сторожа.

— Хорошо бы нам, — прибавил заведующий, — заполучить этого зверя. Рысь, говорят, необычайно красива и велика. Она привлечет публику в сад. Я было хотел командировать вас за рысью, да боюсь — вам не удастся выполнить поручение. Хозяин, говорят, ни за что не расстанется со зверем.

— Командируйте, — сказал м-р Джекобс, пыхнув дымом из коротенькой трубочки.

— Да ведь даром съездите? — равнодушно произнес заведующий.

Про себя он твердо решил получить рысь. Надо было только хорошенько раззадорить м-ра Джекобса, — и тот достанет зверя хоть из-под семи замков.

— Пари? — предложил англичанин.

— Ключуло! — подумал заведующий. Вслух он сказал:

— Напрасно горячитесь, мистер: дело все равно не выгорит.

— Пари, — настойчиво повторил м-р Джекобс.

— Идет, — пожимая плечами, согласился заведующий.

Пари было тут же заключено, и на следующий день англичанин отправился в командировку.

М-р Джекобс беспокойно ворочался на лежанке, Он думал о том, какой насмешливой улыбкой встретит его завтра заведующий.

— Ту пиге доге! — выругался англичанин, стремительно вскакивая на ноги. — К чертям собачьим! Невозможно спать в такой духоте! Пойду лучше на воздухе лягу.

Он схватил тулуп, сунул под мышку шкуру косули и вышел на крыльцо.

На небе уже занималась заря.

— Увезти насильно зверя? — тоскливо соображал м-р Джекобс, расстилая тулуп.

— Возьмешь его голым руками! — издевался он сам над собой.

Тут м-р Джекобс расправил шкуру косули, чтобы снова аккуратно сложить ее себе под голову. При этом взгляд его упал на продырявленную дробью кожу животного.

— Здоровый заряд влепил! — подумал м-р Джекобс.

Он сам был охотник и сразу заинтересовался удачным выстрелом.

— Фью! — свистнул вдруг англичанин: в том месте шкуры, где у козла должны быть рога, дырок для них не оказалось. — Самка! Вот так фунт. Старик-то, видно, маток бьет!

Еще с минуту вертел м-р Джекобс в руках шкуру косули, что-то усиленно про себя обдумывая. Потом хлопнул себя по лбу и громко сказал:

— Ол-райт. Пари выиграно!

Затем м-р Джекобс лег и крепко заснул.

Утром англичанин подошел к Андреичу со шкурой косули в руках и строго сказал:

— Послушайте, это как называется?

— Чего? — не понял старик.

— Шкура косули-самки. Вы застрелили матку. Вот следы дрови.

— Не было печали! — ахнул про себя Андреич.

Сбиваясь от волнения, он стал рассказывать гостю, как старая рысь при нем прыгнула косуле на спину, и как он застрелил хищника на его жертве.

— Толкуйте! — оборвал его англичанин. — Меня баснями не проведете. Я представлю шкуру вашему начальству. Вы уплатите законный штраф в двадцать пять рублей и будете лишены места. Я позабочусь об этом.

Ноги подкосились у старика. Он хорошо знал, как строго карает суд лесных сторожей за нарушение охотничьих правил. Чем может он доказать, что дробь попала в животное после того как оно было убито рысью?

Старый лесничий на слово поверил бы Андреичу: он знал его безупречную службу в течение тридцати лет. Но как назло прежний лесничий недавно был смещен молодым. Этот еще и в глаза не видел Андреича.

— Иван! — крикнул м-р Джекобс. — Закладывайте лошадей! Мы уезжаем.

Андреич опустил на лавку.

Англичанин хладнокровно раскуривал короткую трубку.

— Вот что! — внезапно обернулся он к Андреичу. — Даю вам две минуты на размышление: или вы мне отдадите рысь, — тогда я верну вам шкуру косули, — или вас выгонят со службы. Тогда все равно вам придется расстаться со зверем, потому что с ним ни в одну деревню не пустят. Выбирайте.

Удар был метко рассчитан. Мысли вихрем понеслись в голове Андреича.

Отдать Мурзука? Ни за что! Лучше лишиться места.

Но если дойдет до этого, придется и с Мурзуком проститься. И пойдет старик один-одинешенек скитаться по белу-свету, без угла, без пристанища...

Чуял Андреич: недолго ему остается жить. Трудно было старику бросить избу, которую он считал своей.

Однако нечего было делать.

Ни слова не сказал Андреич англичанину. Сходил в избу за ружьем и выстрелил в воздух.

— Готово! — объявил возница, подводя лошадей к крыльцу.

— Ну, хозяин, — обратился м-р Джекобс к Андреичу. — Вот расписка. Я не хочу брать у вас зверя даром. Получите сорок рублей. Подпишите вот здесь.

— Не надо мне ваших денег, — сумрачно сказал старик. В эту минуту стайка дроздов с тревожным криком поднялась с опушки леса.

Почти сейчас же из кустов выскочил Мурзук.

Он был далеко в лесу, когда услышал выстрел Андреича, и быстро примчался на зов хозяина.

Подбежав к старику, зверь бросился ему на грудь.

Старик прижал о себе голову рыси и ласково погладил. Потом подошел к клетке и показал на нее Мурзуку.

— Иди, сынок, сюда!

Рысь весело вскочила на телегу и протиснулась в узкую дверцу клетки. Андреич захлопнул за ней дверцу и отвернулся.

— Берегите зверя, — тихо попросил он англичанина.

— О, можете быть спокойны! — решительно заявил м-р

Джекобс. — Он будет нашим любимцем. Сами можете притти посмотреть.

И англичанин сказал Андреичу адрес зверинца.

Старик проводил телегу за ворота, еще раз простился с Мурзуком и, приказав ему лежать смирно, побрел в избу.

Дома Андреич бросил в огонь шкуру косули, сел перед печкой горько задумался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ТЮРЬМЕ

Мурзук спокойно дремал в клетке. Хозяин велел ему лежать здесь. В этом не было ничего странного: Мурзук привык подолгу дожидаться Андреича там, где ему приказано. В конце концов хозяин приходил, и тогда Мурзук снова бежал, куда вздумается.

Странно было только, что его куда-то везли незнакомые люди. Но и это не беспокоило Мурзука: разве не мог он в любую минуту толкнуть дверцу лапой, соскочить с телеги и убежать в лес?

До станции доехали скоро. М-р Джекобс немилосердно гнал лошадей: он боялся, как бы зверь не наделал ему в дороге хлопот.

Первые признаки беспокойства Мурзук обнаружил, когда с грохотом подкатил поезд. Зверь вскочил на ноги и стал зорко вглядываться в толпу, обступившую клетку. Глаза его искали хозяина.

Хозяина не было.

М-р Джекобс успел добыть разрешение на провоз зверя в багажном вагоне и с большими предосторожностям перенес клетку в поезд.

Поезд тронулся. Лязгнуло под полом железо, застучали колеса.

Тут Мурзук почувал, что дело неладно.

Он ударил лапой дверцу клетки.

Дверца не поддавалась.

Мурзук стал бешено метаться из угла в угол, бил лапами направо и налево, грыз прутья клетки зубами.

Все напрасно. Кругом мерно позвякивало железо.

Внезапно Мурзук понял: он попал в ловушку.

Это сразу изменило его поведение. Зверь прижался к задней глухой стенке клетки и застыл.

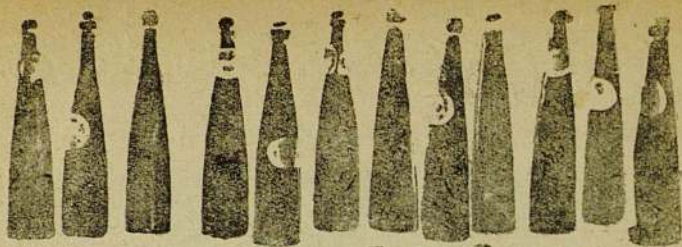
Только глаза его горели в темноте вагона.

Через шестнадцать часов поезд пришел в город Шум, грохот, крики не могли нарушить оцепенения зверя.

Англичанин нанял подводу и благополучно доставил рысь в зверинец.

Мурзука выпустили в новую, более просторную клетку. Он сейчас же попробовал, нельзя ли отсюда бежать?

Слепая ярость отчаяния удесятерила его силы. Но люди хорошо рассчитали прочность постройки: рысь не могла вырваться из тюрьмы.

И пока обезумевший зверь метался по клетке, заведующий зверинцем любовался им, восхищался его силой, необычайной величиной и красотой.

Потом заведующий повел м-ра Джекобса в пивную распивать проигранную ему на пари дюжину пива.

В воротах сада оба приостановились. До них донесся долгий, жуткий крик рыси. Он начался с очень высокой ноты, перешел в дикий плач и рев и кончился низким глухим стоном.

— Оплакивает потерянную свободу! — улыбаясь, сказал заведующий и взял м-ра Джекобса под руку.

Оба спокойно зашагали к выходу.

Эти люди давно привыкли к бесконечно тоскливому крику диких зверей, обреченных на медленную смерть в неволе.

Весь день Мурзук неподвижно пролежал на толстом суке, вбитом в стену его клетки на высоте двух аршин от пола.

Был понедельник, и сад был закрыт для публики.

Между клетками зверей ходили сторожа. Они убирали сад после большого воскресного гулянья, чистили клетки, кормили зверей.

Мурзуку в клетку пресунули на длинной палке кусок конины.

Мурзук не двинулся: тоска убила в нем голод.

Кругом ревели, дрались и топтались в тесных клетках звери. Дальше в местах, отгороженных частой проволоочной сеткой, хлопали крыльями и кричали птицы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НОЧЬЮ

С наступлением темноты сторожа ушли. Мало-по-малу уgomонились звери и птицы. Когда совсем стемнело, Мурзук поднялся.

Теперь человеческие глаза не следили за ним. Он знал это потому, что хорошо видел в темноте, и потому еще, что его уши ловили и понимали каждый шорох.

Приступ тупого отчаяния прошел. С новой силой проснулось желание бежать. С ним вместе проснулся голод.

Мясо все еще лежало на полу у самой решетки. Прежде чем приняться за него, Мурзук осторожно огляделся.

В соседней клетке слева были волки. Четверо из них спокойно спали, свернувшись, как собаки. Пятый сидел, упершись передними лапами в землю. Глазами он равнодушно уставился прямо перед собой.

Мурзук видел, что волки не обращают на него внимания. Значит, можно схватить мясо и вкопчить с ним на сук.

Но справа раздался шорох.

Мурзук увидел в соседней клетке большую пятнистую кошку с длинным пушистым хвостом.

Кошка кралась к решетке, за которой лежало мясо. Она могла достать его своей длинной лапой.

Мурзук почувствовал внезапный прилив ярости.

Хищник не терпит возле себя другого хищника родственного ему породы. Между кошками эта родственная ненависть особенно сильна.

Пятнистый зверь осторожно просунул лапу между прутьями. Взгляд его впился в неподвижную фигуру рыси.

Мурзук не шелохнулся.

Глаза зверя перебежали с него на мясо. Лапа просунулась дальше. Когти вонзились в мясо.

Мурзук прыгнул.

Движение было так быстро, что пятнистая кошка не успела отдернуть лапы.

Громкий вой оглушил Мурзука. Вор отпрянул.

Мурзук быстро схватил мясо в зубы и вскочил на сук.

Раненый зверь с яростным воем бросился на решетку, но упал, ударившись о железные прутья.

Мурзук сообразил, что в середине своей клетки он в полной безопасности.

Не обращая больше внимания на бесновавшегося противника, он принялся за мясо.

Чутье у Мурзука было неважное. Сразу он не разобрал, что мясо тухлое.

Это сказали ему теперь его длинные, чувствительные

усы. Он ощупал ими разлагающуюся конину и с отвращением бросил на пол. Никогда еще Мурзук не ел падали.

Голод страшно его мучил. Он тщательно осмотрел всю клетку, но не нашел больше ничего съедобного.

Тогда Мурзук испустил тихое, тонкое, тоскливое мяуканье.

Словно в ответ ему, из темноты раздался ужасный хохот и вой.

Шерсть дыбом встала на всем теле Мурзука. Спина его выгнулась.

Отвратительный вопль гиены был словно сигнал для других зверей.

Сейчас же рядом с Мурзуком поднялись, завyli волки.

Подальше заплакал шакал. В другом ряду клеток — напротив — один за другим заревели медведи: их было много в зверинце.

Издали донеслось жуткое уханье филина. А в промежутках между ревом и криками слышался тяжелый, мерный топот чудовищных ног слона.

Внезапно все другие звуки покрыло раскатистое рычание льва.

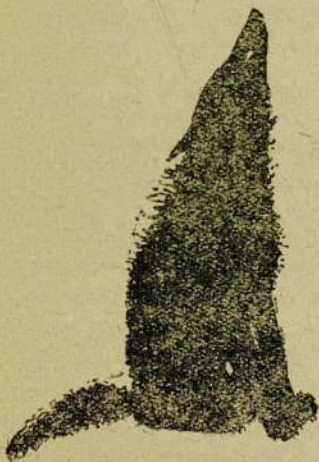
Мурзук задрожал всем телом. Ему не надо было и видеть зверя. Он чувствовал, что этот голос принадлежит огромной кошке, гораздо сильнее и больше его самого.

Крик зверей кончился так же внезапно, как начался.

Понемногу улеглось и возбуждение Мурзука.

Голод жег его внутренности.

Легкий шум под полом сразу привлек внимание Мурзука. Он соскочил с дерева. Глаза его впились в небольшую черную дырку в полу.

Прошла минута напряженного ожидания.

В темном отверстии блеснули глазки маленького зверька. Еще через минуту из-под пола выскочила крыса и помчалась к мясу.

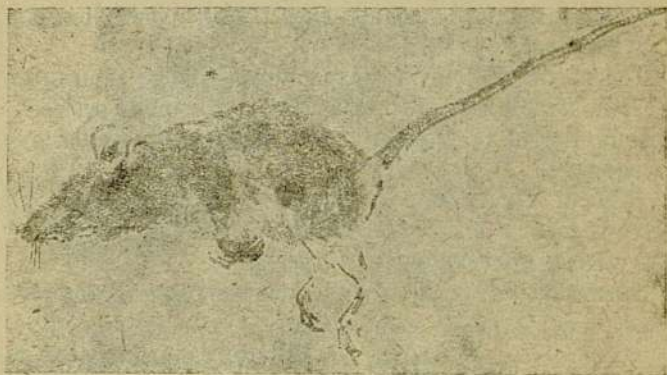
Мурзук проворно прихлопнул ее лапой.

Голод не заставил его сразу растерзать добычу.

Мурзук снова насторожился и терпеливо ждал.

Скоро опять слышался шорох под полом.

Вторая крыса высунулась из подполья и была мгновенно подхвачена когтистой лапой.

Охота продолжалась больше часа. Уже восемь мертвых крыс лежало вокруг Мурзука.

Девятая заметила хищника из подполья. Она скрылась. Под полом раздался топот целой армии крыс — и все смолкло.

Мурзук понял, что крысы ушли из подполья, и принялся за обед.

Первые лучи зари застали Мурзука за работой. Он поочередно схватывал зубами прутья решетки и тряс их.

Один из прутьев слегка зашатался.

Мурзук стал неистово трясти его. Прут заметно поддавался, раскачиваясь все сильнее и сильнее.

Вдруг слышались шаги по песчаной дорожке между клетками.

Мурузк отскочил от клетки и вспрыгнул на сук.

Сторож первым делом подошел к клетке рыси.

Зверь спокойно лежал на толстом суку. Он выглядел сытым и довольным.

Сторож почесал в затылке.

— Мясо не тронуто, а зверь будто сыт... Другие, как сюда попадут, места себе не находят, а этот и в уе не дуэт. Должно, привык взаперти сидеть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БУНТ

Публика рано начала собираться в сад.

Когда первые посетители вошли в ворота, м-р Джекобс кончал свой утренний обход зверинца. Он остановился перед клеткой рыси и подозвал сторожа.

— Рысь не съела вчерашнего мяса. Оставить в клетке. Нового не давать, пока это не будет съедено.

— Мясо-то и сейчас того... — робко возразил сторож, — с душком. Зверь, должно, к свежему привык.

— Делайте, что вам говорят! — вспыхнул англичанин. — Если зверей кормить свежим, сад через месяц в трубу вылетит.

Сторож молчал. Ослушаться м-ра Джекобса он не смел: англичанин был помощник заведующего.

В это время к клетке Мурузка подошла группа школьников.

Толстеный учитель, в пенсне и в соломенной шляпой в руках, вежливо обратился к м-ру Джекобеу.

— Скажите, пожалуйста, этого зверя, верно только-что поймали?

— Да. Он только вчера привезен.

— Это сразу видно! Смотрите, дети, какой у него злобный и дикий вид. Он прямо съесть готов нас злыми глазами.

Это была правда: Мурзук насторожился и злыми глазами следил за каждым движением людей.

В последние два дня в нем произошла большая перемена. Пока Мурзук жил у Андреича, он не чувствовал вражды к людям. Теперь же в клетке зверинца сидел хищный зверь из тех, что вечно прячутся в темной чаще леса. Он ненавидел и боялся людей. Ему было невыносимо сидеть открыто у всех на глазах.

— Это — рысь, — продолжал учитель, — пантера наших северных лесов. Водится в Европейской России и в сибирской тайге. В культурных странах Западной Европы давно уже истребили этих опасных хищников. В Германии, например, последняя рысь была убита в середине прошлого столетия.

— Их убивают за то, что они нападают на людей? — спросила маленькая девочка.

— Ну, на человека-то разве только раненая рысь бросится.

— А это кто? — спросил один из мальчиков, показывая на крупную пятнистую кошку в соседней клетке.

— Это пантера или леопард, — сказал учитель. Водится в Африке и в Южной Азии.

— А кто сильнее — рысь или леопард? — спросил другой мальчик.

Учитель не успел ответить.

— Смотрите, — закричала девочка, показывая на леопарда: — у него лапа в крови!

М-р Джекобс быстро подошел к клетке.

— Вы невнимательно смотрите за зверями! — строго сказал он сторожу. — Надо почаще ночью обходить клетки. Нет сомнения, что это рысь подралась ночью с леопардом. Давайте ей поменьше мяса, пока она не перебесится.

Подошли новые посетители, разглядывали рысь, старались вывести ее из терпения. Мальчики кидали в нее песком.

Мурзук весь день сидел, как на иголках.

А ночью снова принялся расшатывать железный прут.

Тянулись дни. Железный прут все еще держался нижним концом в каменном полу стенки.

Мурзук жестоко страдал.

Осторожные крысы ни разу больше не показывались из подполья. Долгий голод заставил Мурзука есть тухлую конину. Но и этой пищи нехватало. Под густой шерстью рысы отчетливо выступили ребра.

Днем Мурзук казался ко всему равнодушным. Никакие пристаивания публики не могли его вывести из себя. Что бы ни делали люди, он неподвижно лежал на своем дереве.

Только по ночам он оживлялся.

Быстро съедал мясо и сейчас же принимался за решетку. Целыми часами раскачивал все тот же шатающийся прут.

Сторожа не замечали его работы: шатающийся прут был в темном углу клетки.

И вот, через два месяца после того как он попал в клетку, Мурзук почувствовал, что скоро вырвется на свободу.

Прут совсем раскачался. Еще несколько сильных ударов — и он выскочит из своего гнезда в полу.

Это было под утро. Показались люди.

Мурзук давно научился терпению. Он отложил бегство до следующей ночи.

В этот день было особенно много публики в саду.

Уже давно заведующий печатал объявления в газетах, что со дня на день ожидается прибытие из Африки большой человекообразной обезьяны. Наконец ее привезли.

Это была самка шимпанзе.

В родном лесу у нее остался детеныш, которого она кормила своим молоком.

Всю дорогу ее держали связанной. Теперь выпустили в просторную клетку и развязали путы.

Увидев, что из клетки вырваться нельзя, обезьяна пришла в бешенство. Она яростно бросалась на стены, кусала и дергала прутья, выла и била себя кулаками в грудь.

Когда и это не помогло, животное впало в ужасное отчаяние. Оно село на землю, схватило себя руками за волосы и стало раскачиваться. Хриплый вой перешел в беспомощный плач.

Люди отворачивались от клетки.

А звери начали кричать. Им передалась тоска обезьяны. Заплакали шакалы, всхлипывая, как дети. Завыла, захохотала гиена. Медведи и волки заметались в своих клетках.

Раскатистое рычание льва утонуло в общем крике зверей.

Публика в страхе бросилась к выходу.

М-р Джекобе, почуввав недоброе, послал одного из сторожей за винтовкой, другому велел вызвать пожарную команду. Звери еще ни разу не приходили в такое возбуждение.

Пронзительно кричали птицы.

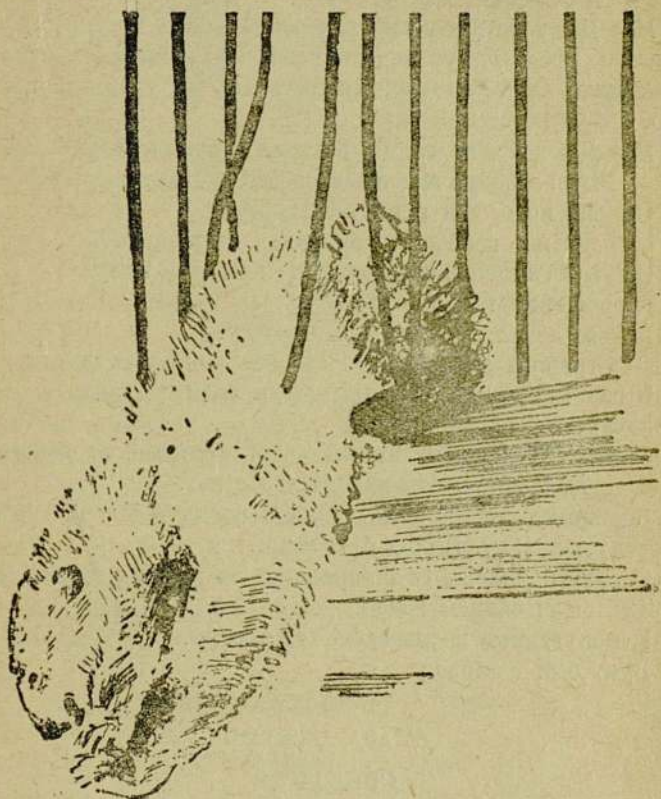
Высоко задрав хобот, неистово трубил слон.

Всегда спокойная рысь кидалась на решетку своей клетки.

М-р Джекобе заметил, что один из прутьев дрожит и качается при каждом ударе.

Подбежал запыхавшийся сторож и подал англичанину винтовку.

М-р Джекобе поспешно направился к Мурзуку. Со всех сторон на него сверкали налитые кровью глаза.

В эту минуту сзади раздался испуганный крик сторожа. Англичанин быстро обернулся. Он увидал, как белый медведь с треском распахнул сломанную дверцу своей клетки.

Огромное тело зверя грузно вывалилось наружу

Но через мгновение медведь с ревом поднялся на задние лапы и шагнул к англичанину.

Англичанин понял, что сейчас рассвирепевшее чудовище сомнет его под собой.

Он вскинул винтовку.

Мушка плясала у него перед глазами, никак не попадая в разрез прицела.

М-р Джекобе выпустил наугад все пять пуль своей магазинки. Зверь вдруг перестал реветь, закачался и рухнул на землю. Одна из пуль попала ему в глаз, другая в ухо.

М-р Джекобе, не глядя, вставил в ружье новую обойму. — Рысь! — закричал он сторожу. — Прут качается.

Сторож подбежал к клетке Мурзука.

Мурзук изо всей силы бросился на решетку.

Прут погнулся и выскочил из гнезда в полу.

Сторож испуганно вскрикнул.

Голова зверя просунулась наружу.

— Стреляйте! — закричал сторож и побежал назад.

В это мгновение сильная струя воды ударила в глаза Мурзуку.

Ослепленный, испуганный зверь отскочил от решетки.

Вода из брандспойта валила его с ног.

Пожарные быстро подставили к сломанной решетке переносную клетку. Выход был закрыт.

Струю брандспойта направили на других зверей. Все клетки были залиты водой.

Перепуганные звери забились в углы.

Бунт был усмирён.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОВИДАНИЕ

Тяжело жилось Андреичу без верного друга. Здоровье стало совсем плохо. Старик с трудом передвигал ноги.

С тех пор как англичанин увез Мурзука, прошло уже три месяца. Надвигалась суровая северная зима.

— Пора, видно, пришла мне помирать, — подумал Ан-

дреич. — Перед концом хоть друга повидать в последний раз. А там и на покой можно.

Старик подал прошение об отпуске и отправился в путь-дорогу.

За тридцать лет жилья в сторожке Андреич крепко свыкся с лесом и совсем отвык от людей. Трудно пришлось ему в городе. Насилу разыскал зверинец.

Старик купил у входа билет и пошел искать Мурзука.

Первыми шли клетки с птицами.

В углу, отгороженном высокой проволочной сеткой, Андреич увидел большую, незнакомую ему птицу.

Она сидела на сухом дереве, вся скорчившись и сутуло вобрав в плечи крючконосую голову на длинной голой шее. Птица подняла оба огромные темные крыла над головой, словно хотела ими закрыться от всего, что видела кругом.

— „Гриф“, — прочел Андреич надпись на дощечке. И подумал: „Точно, поди, тебе здесь. Привык в поднебесьи летать“.

Дальше плавали в бассейне разных пород утки, гуси, лебеди, чайки. По краю водоема важно расхаживал длинноногий журавль и сновали мелкие кулички.

Андреич сразу приметил, что над бассейном не было сетки.

„Должно, ручные, — подумал он. — Только что же они больно невеселые?“

Одна из чаек приподнялась с воды и замахала в воздухе обрубками крыльев.

Старик торопливо отвернулся. Он стал глядеть на просторную клетку с целой стаей чижей, снегирей, щеглят и других певчих птиц.

Они напевали и чирикали, неугомонно перепархивая с ветки на ветку.

Только один красногрудый снегирь сидел нахохлившись внизу на кормушке с конопляным семенем.

Андрейч внимательно поглядел на него и покачал головой.

— Слышь, сынок — обратился он к стоявшему рядом с клеткой сторожу, — это птаху, что на кормушке сидит, хохлится, отсадить бы надо. Больная. Гляди, глаза закрыла. пропадет к утру.

— Сами знаем! — грубо сказал сторож. — Не наша печаль больных подбирать. Там у них, — сторож кивнул на клетку, — санитары есть. Небось, подберут.

Андрейч в недоумении посмотрел на клетку. О каких санитарях говорил ему сторож?

Вдруг из дырки в дальнем углу выскочила крыса, стремглав пронеслась по клетке и скрылась в другую норку. Сейчас же за ней высунулась вторая, понюхала воздух и юркнула назад, мелькнув длинным голым хвостом.

Старик вздрогнул.

Ему сразу представилась ночь в зверинце. Большой снегирь темным комочком прилепился к кормушке.

Из черных дырок вскакивают крысы, хватают птицу и тащат к себе в подполье. Оттуда раздается их отвратительный визг и шум драки из-за теплой, еще живой добычи.

На деревце в клетке просыпаются встревоженные птицы. Некоторые из них уже чувствуют приближение болезни. Всех их ждет один и тот же конец, когда, ослабев, они опустятся вниз.

Андрейч поспешно пошел дальше.

Перед ним потянулся длинный ряд клеток с белками, зайцами, лисами.

Старик не узнавал знакомых зверей. Он привык их видеть живыми, быстрыми, мелькающими в траве и ветвях. А тут, в клетках, сидели словно чучела их, с тусклыми, мертвыми глазами и вялыми мускулами, неподвижные и ко всему равнодушные.

Толпа народа стояла у клеток с бурыми медведями.

Один из зверей сидел на краю своей клетки. Ноги он

свесил вниз и передними лапами держался за прутья загородки. В умных глазах медведя Андреичу почудилась такая тоска, что он поскорей отвел от них взгляд.

Он с тревогой искал глазами Мурзук.

До него донеслись слова какой-то женщины, указывавшей детям на толстоголового быка с облезлой шерстью на дряблой морщинистой коже.

— Этот зуб так стар, — говорила женщина, — что никогда не ложится. Он боится не встать. А спит, прислонившись боком к стене. Устанет один бок, он приткнется другим — и дремлет.

Жалость и тревога росли в груди Андреича. За все тридцать лет жизни в лесу он ни разу не видал дряхлого зверя. Там царил милосердный закон смерти. Здесь люди отняли его у зверей. Старик со страхом думал о Мурзуке. Признает ли он хозяина? Теперь ему все люди должны казаться врагами.

Публика запрудила проход у клетки леопарда.

Над шапками и шляпами Андреич увидал знакомую голову зверя с бакенбардами и черными кисточками на ушах.

Старик заволновался. Он попробовал пройти сквозь толпу, но его оттеснили.

Тогда, не соображая, что делает, он полез через невысокий деревянный барьер, отделявший клетки от публики. Кто-то испуганно крикнул ему:

— Дедушка, берегись!

Но было уже поздно: старик принял лицом к решетке.

Публика ахнула: рысь широким прыжком кинулась на старика. Тут произошло то, чего никто не ожидал: рысь лизнула старика прямо в губы и радостно заурчала.

— Узнал, сынок, — бормотал Андреич, забыв все кругом себя, — узнал, родимый!

Он просунул руки за загородку и гладил костлявую спину зверя.

Публика пришла в неистовый восторг.

— Ай, дедушка! Ну, молодчина! Видно, прежде его был зверь. Зверь-то — вот умный, как собака! Признал хозяина!

— Прошу разойтись! — раздался вдруг резкий голос за спиной зрителей. — Гражданин, потрудитесь сейчас же выйти за барьер.

Мурзук грозно зарычал. Андреич обернулся.

Перед ним стоял м-р Джекобс, сердито нахмутив брови.

— Дозвольте, мистер, с сынком проститься — робко попросил старик.

— Выходите, я вам говорю! — закричал англичанин. — За барьер ходить строго воспрещается.

— Да зверь его не тронет, — заступился кто-то из публики.

— Сторож! — позвал м-р Джекобс. — Как вы смеее допускать такое безобразие! Сейчас же выведите старика.

— Уйду, уйду! — заторопился Андреич, еще раз погладил тощие бока Мурзука и кряхтя полез через барьер.

Публика бросилась помогать ему. По адресу м-ра Джекобса посыпались ругательства.

Андреич испугался скандала. Он старался поскорей отойти дальше от клетки.

Мурзук рычал и рвался ему вслед.

Но не так просто было Андреичу избежать расспросов публики. Его обступили, просили рассказать, где он поймал рысь, долго ли держал, почему зверь так любит его.

Только через полчаса Андреичу удалось скрыться от любопытных в какой-то узкий, зловонный проход между задами клеток.

Андреич устало прислонился к стене. В голове у него стоял шум.

Старик припомнил все, что видел в зверинце. Он много бы отдал, чтобы выкупить отсюда любимого зверя. Но Андреич отлично понимал, что англичанин ни за что не выпустит свою жертву.

Отчаяние брало старика, что он оставляет своего друга на такое мученье.

В проходе было темно и тихо. Андреич невольно прислушивался, не услышит ли еще раз голос Мурзука?

Понемногу он стал различать тонкое, жалобное мяуканье рыси. Оно слышалось где-то совсем близко, точно Мурзук был рядом.

Андреич взглянул на стену. Его глаза различили в ней железную дверь и железный засов на ней.

— Это его клетка! — сообразил старик. — Он здесь, рядом. Неожидавшая догадка мелькнула у него в голове. — Вытащить вот этот засов — и Мурзук выйдет на волю!

Сейчас же в груди захолонуло от страха.

— А как поймают? Тогда пропали оба!

Опять за стеной послышалось тоскливое мяуканье.

— А будь, что будет! — решил Андреич. — Тот не человек, кто об звере не сочувствует и за себя трусит.

Старик дернул засов. Железо громко звякнуло и тяжелый болт упал на землю.

Андреич испуганно оглянулся.

Мимо прохода быстро прошагал м-р Джекобе.

Андреич проворно выбрался через другой конец прохода.

В саду было светло. Громко играл духовой оркестр.

Андреич торопливо шагал к выходу. Ему казалось, что сзади его догоняет англичанин, и он не смел оглянуться.

Мысли путались.

— Догадаются, кто засов отодвинул? А что, если Мурзук меня сейчас здесь нагонит? Вырвется — застрелят! Либо сторож прежде зверя заметит, что болт вынут?

Эта последняя мысль больше всего напугала старика: вдруг не удастся побег Мурзука? И опять Андреич вспомнил торчащие ребра рыси, тоскливые глазки медведя, птиц с подрезанными крыльями, больного снегиря. Жалость с новой силой охватила старика.

— Там будь, что будет, лишь бы Мурзук вырвался!

И долго еще, уже подходя к вокзалу, старик упрямо повторял:

— Тот не человек, кто об звере не сочувствует!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МИСТЕР ДЖЕКОБС ТРЕНИРУЕТСЯ

На утро после появления Андреича м-р Джекобе поднялся очень рано.

У него была привычка перед отправлением на службу упражняться в стрельбе из винтовки. Жил он рядом со зверинцем. Задней стеной его дом выходил на пустырь.

На пустыре была свалка разного мусора и отбросов. Сюда собирались голуби, галки, вороны. Англичанин стрелял их с чердака.

— Меткая стрельба пуль, — говорил он, — требует ежедневной тренировки. И непременно по живой цели.

После случая в зверинце м-р Джекобс хотел быть уверенным в своем выстреле. Он хорошо знал, что только счастливая случайность помогла ему свалить двумя пулями взбесившегося медведя.

И в это утро, быстро одевшись, м-р Джекобс схватил винтовку и поднялся на чердак.

На чердаке было темно. Только через отверстия в крыше падал узкими полосами мутный свет.

М-р Джекобс подошел к одному из этих отверстий и выглянул наружу.

Внизу на куче мусора сидела стая голубей. Птицы не замечали стрелка.

М-р Джекобс тщательно, с упора выцелил одну из них и выстрелил.

Раненый в крыло голубь судорожно забился и покатился с крутой кучи. Стая взлетела, но снова опустилась на землю: кругом никого не было видно.

М-р Джекобс прицелился в другого голубя.

В это время сзади него что-то зашуршало.

Он обернулся.

Ему почудилось, будто два блестящих глаза смотрели ему в спину и мгновенно потухли как только он повернулся к ним лицом.

„Кошка!“ подумал м-р Джекобс.

Он снова стал прицеливаться в голубя.

Но неприятное ощущение устремленных в спину глаз не покидало его. Он никак не мог сосредоточить внимания на своей цели.

— Брысь! — громко крикнул он в темноту.

В углу опять послышился легкий шорох.

На мгновение м-р Джекобе увидел под черным сводом крыши два горящих глаза.

И снова ничего не было.

— Что за чорт! — выругался англичанин. — Погоди же, я тебя живо сниму оттуда.

Он нервничал и злился на себя за это.

Теперь он успел уже немного привыкнуть к темноте.

В том месте, где минуту тому назад зажглись таинственные глаза, он различил нагроможденные друг на друга пустые ящики.

Англичанин поднял винтовку и наугад выпалил в один из них.

Пустой ящик с грохотом слетел на пол.

В полосе света мелькнула голова и белая грудь рыси.

М-р Джекобе успел выпустить еще два заряда.

Одна из пуль как ножом срезала конец короткого хвоста зверя.

Потом тяжелое тело рыси со всего маху ударило англичанина в грудь. Он упал.

Винтовка с треском ударилась об пол — и все смолкло.

А через полминуты Мурзук выскочил через узкое отверстие и исчез за поворотом крыши.

Мурзук оглянулся.

Сзади лежал большой пустырь. С трех других сторон тянулись бесконечные крыши и глубокие провалы улиц между ними.

Выбора не было: он должен был избегать открытых мест.

Мурзук добежал до конца крыши, перескочил на другую, там на третью — и так направился к центру города.

На улицах уже показались прохожие.

Шли на завод рабочие. Один из них случайно поднял голову вверх и удивленно крикнул:

— Гляди, робя, кака кошка огромная!

Но Мурзук уже скрылся за трубу.

А в зверинце в это время сторож заметил исчезновение рыси и поднял тревогу. Он клялся, что ночью дважды обходил клетки, и все звери были на местах.

Он не мог знать, что уже под утро Мурзук случайно прислонился к задней дверце и неожиданно очутился в узком проходе между клетками.

И никто на видал, как зверь осторожно прокрался через весь сад, перелез через высокую ограду и вообразился на первый попавшийся дом; как он там спрятался в пустых ящиках на чердаке и неожиданно встретил своего врага.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СТРАХ

Было три часа дня, когда толстенский учитель вышел из школы и сел в трамвай.

Он только-что рассказывал детям о диких кровожадных зверях, которые рыщут в больших дремучих лесах. Он так увлекательно описал охоту на них, что несколько мальчиков твердо решили сделаться охотниками как только кончат школу.

Теперь учитель ехал домой и думал, что он и сам бы не прочь поохотиться на медведя или тигра.

На первой же остановке в вагон ворвался маленький газетчик. Он размахивал сложенным листком и кричал:

— Вечерний выпуск! Страшное убийство человека зверем! Зверь бродит по городу. Остерегайтесь ходить на чердак!

— Гражданин! — обратился он вдруг к учителю. — Купите газету: ваша жизнь в опасности!

— Что такое? Что ты выдумываешь — подскочил толстенский учитель. — Давай сюда газету!

На первой странице было напечатано крупными буквами:

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ИЗ КЛЕТКИ ЗООЛОГИЧЕСКОГО САДА ВЫРВАЛАСЬ РЫСЬ. НА ЧЕРДАКЕ СОСЕДНЕГО С САДОМ ДОМА В ЛУЖЕ КРОВИ ОБНАРУЖЕН ТРУП СЛУЖАЩЕГО В ЗВЕРИНЦЕ. ЗВЕРЬ-УБИЙЦА ЕЩЕ НА СВОБОДЕ.

Дальше, в большой, наспех составленной заметке, сообщалось, что рано утром рысь замечена прохожими на крыше одного из домов за три квартала от зверинца. Днем в центре города трубочист чуть не был сброшен зверем с крыши пятиэтажного дома.

Тут же было помещено подробное описание рыси, ее образа жизни, необычайной кровожадности, ловкости и силы.

Судя по этой статье, выходило, что рысь гораздо опаснее тигра, льва и вообще всех хищных зверей.

Статья кончалась словами:

„Всякий хищный зверь, хоть раз отведавший человеческой крови, теряет страх перед людьми и становится людоедом.

Не желая способствовать панике в городе, мы все же не можем не посоветовать всем гражданам тщательно остерегаться встречи с рысью, в особенности избегать темных чердаков.

Милицией приняты все зависящие меры, и мы не сомневаемся, что зверь будет пойман или застрелен в ближайшие же часы, несмотря на свою замечательную способность прятаться и ускользать невредимым даже от опытных охотников“.

Толстенский учитель опустил газету, снял пенснэ и вытер холодный пот со лба. Ему уже не хотелось охотиться на диких зверей.

Он вспомнил, как месяц тому назад разглядывал рысь в зверинце. Даже в клетке она производила такое жуткое впечатление. Что, если ему придется теперь встретить ее на улице?

Мурашки забегали по спине учителя.

Он уже решил никуда не выходить из дому, пока не узнает по телефону, что зверь пойман. Дома у него висело охотничье ружье, из которого он стрелял летом рябчиков и перепелок. Он может его зарядить пулей и защищаться, если рысь вздумает забраться к нему в квартиру.

Через десять минут вагон подошел к остановке, где учителю надо было слезать.

Всю дорогу до дому учитель поглядывал вверх, на крыши.

На углу городского сквера против его окон стояла кучка народу. Какой-то оборванец, коротенький и толстый, хватливо уверял, что его рысь не тронет, потому что дикие звери бросаются только на длинных и тощих.

У толстенного учителя немножко отлегло от сердца.

Войдя в свой дом, учитель долго осматривал снизу лестницу, прежде чем по ней подняться. Его квартира была в третьем этаже, под самой крышей.

Никогда еще он с такой быстротой не отпирал ключом двери, как в этот раз.

Наконец он был дома! Обедать он сел только после того, как тщательно осмотрел все задвижки на окнах.

После обеда учитель протер пенсне и уселся в кресло против окна. Заряженный пулей дробовик стоял рядом с ним.

Теперь толстенный человек чувствовал себя храбрым. Он открыл форточку и стал прислушиваться к доносившимся с улицы голосам.

— Экстренный выпуск! — звонко крикнул газетчик, вывернувшись из-за угла. — Зверь-людоед все еще на свободе! Город объявлен на осадном положении!

Через минуту пробежал другой газетчик.

— Приказ всем гражданам! — орал он во все горло. — Кто заметит рысь, немедленно давать знать по телефону в милицию! Во всех участках города дежурят наряды — милиционеров с заряженными винтовками! Рассказ очевидца о нападении людоеда на кошку!

Публики на улице было мало.

Торопливо проехал извозчик, погоняя худую клячу. Седок беспокойно поглядывал вверх.

На минуту улица совсем опустела.

Вдруг белая кошка галопом промчалась через улицу в сквер. За ней широкими скачками пронесся большой серый зверь.

Оба исчезли из глаз раньше, чем учитель пришел в себя.

Он вскочил с кресла, бросился к телефону и бешено забарабанил пальцами по кнопкам.

— Алло! Барышня! Барышня же! — кричал он в труб-

ку. — Вы спите? Алло! Милицию! Какую там юстицию! Милицию!!

— Дежурный милиционер? Алло, алло! Да не звоните вы, барышня! Дежурный? Рысь! В сквере! За кошкой! Сейчас!

— Стойте, стойте. Запишите: сообщил учитель Труси-ков.

— Да, да, кончили!

Учитель повесил трубку и снова бросился к окну.

Через пять минут примчался отряд конной милиции. Милиционеры спешили и цепью окружили сад.

Учитель видел, как цепь по сигналу медленно двинулась между деревьями. Милиционеры держали ружья на изго-товку.

Труси-ков был доволен: рысь окружена.

Она будет убита, и это он, учитель Труси-ков, освободит весь город от страшного людоеда.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НА РЕКЕ

Ночью этого дня двое бродяг сидели на каменной на-бережной широкой реки...

Яркая осенняя луна освещала их рваные платья и бро-сала густую тень на лица, скрытые круглыми козырьками кепок.

Им не хотелось идти в ночлежку. Они коротали длин-ную ночь, изредка перебрасываясь фразами.

— Ты чего ржешь? — спросил один, поджимая под себя длинные, тонкие, как палки, ноги.

— А вспомнил, как вчера зверя травили, а я напу-гался, — ответил другой, короткий и толстый.

И, не дожидаясь приглашения, стал рассказывать.

— Захожу это я днем в городской сквер публику по-глядеть. Забрался, где потемней, сел на лавочку, да и вздремнул малость.

„Просыпаюсь, — мать частная! — кругом милиция. Ну, думаю, попал в переплет: облава! Однако, гляжу: милицей-

ские-то с винтовками на перевес, идут нога за ногу — сами все вверх глядят, по деревьям.

„Что за дьявол! — думаю, — тут что-то не то. Еслиб им меня надо было, так рост мой известен в милиции: два аршина три вершка. Они буркулами-то по низу шарили б! Чего, думаю, они по верхам ищут?

„Глянул вверх, — изви ты! — прямо надо мной сидит на суку огромный серый зверь. Тут я разом смекнул: рысь это, что из клетки вырвалась. Портрет я ейный только перед тем в газете видал.

„Эге, — думаю, — это тебя, дружище, накрыть хотят!

„Тут как раз милицейский подошел. Спрашивает: — Не видал зверя?

„Я мигом прикинул: скажу — он зверя бац, а потом меня признает и заодно сдавает. А не скажу — дальше пройдет.

„Я и говорю: никак нет, товарищ, не случилось видеть.

„А он на меня: — Рысь тебе товарищ! — и пошел дальше. На дерево, под которым я сидел, даже и не поглядел. Я голову поднял: сидит зверь на суку, не шелохнется и глаза потушил.

„Подмигнул я ему: ну, говорю, товарищ дорогой, ловко мы с тобой милицию провели! Счастливо, говорю, оставаться! — И айда из сада“.

— Адют! — спокойно сказал длинноногий. — Дуракам счастье само в руки лезет, да взять они его не умеют. Я б на этом деле большую деньгу нажил.

— Держи карман! — захохотал коротенький.

— Вот те и держи! Не читал, што ли, шило тебе в бок, что за этого беглого зверя сто целковых премия назначена?

— Врешь? — подскокил коротенький.

— Сам объявление читал. На всех углах вывешено. Зверь, слышь, лютый. Сразу одного человека угробил. За одну только указку, где он прячется, четвертной сулят.

Коротенький даже сплюнул с досады.

— Вот маху дал! Кабы знатье, так... эх!

— Теперь, нишут, расследуют, кто его из клетки

выпустил. Дознались, что третьёва дня к нему хозяин приходил, старик один деревенский. Адрес его ищут. Как пить дать — засыпится старикан.

Бродяги замолчали.

Где-то в пустой улице залаяла, залилась собака.

Ишь надсаждается! — сказал длинноногий. — Словно бы зайца гонит.

Лай продолжался.

Теперь уже ясно слышали бродяги переливчатый, со взвизгом голос гончей, бегущей по свежему следу.

— А ведь вправду гонит! — изумленно сказал короткий.

Он обернулся, поглядел на улицу и вдруг схватил товарища за руку.

— Летит — не поймать! Никак рысь!

Оба увидали беззвучно скачущего по темной стороне улицы зверя.

Гораздо дальше, в конце длинной улицы, внезапно выскочила из-за угла собака.

Бродяги не успели сообразить, что им делать.

Рысь промчалась в ста шагах от них и шумно кинулась в воду.

— Лодку! — спохватился длинноногий. — Вон у баржи прицеплена.

Оба разом бросились к барже.

Собака подбежала к реке и заметалась по берегу.

Через минуту бродяги были в лодке.

— Режь конец! — скомандовал длинноногий, вытаскивая из-под банки весло.

Коротконогий полоснул ножом по веревке, лодка оторвалась и поплыла по течению.

— Грести как же? — растерянно спросил коротконогий. Вместо второго весла в лодке лежал багор.

— Жарь багром! нагоним!

— Гляди, деньги пополам! — предупредил коротконогий.

На берегу жалобно выла собака, не решаясь кинуться в холодную воду.

Впереди чуть заметно мелькала голова рыси в залитых луной волнах.

Бродяги гребли изо всех сил.

Минут через пять коротконогий обернулся к товарищу.

— Близко! — зачем-то шепотом сказал он.

Рысь громко фыркала перед самым носом лодки.

— Заворачивай нос! — скомандовал длинноногий. — Я ее веслом по кумполу.

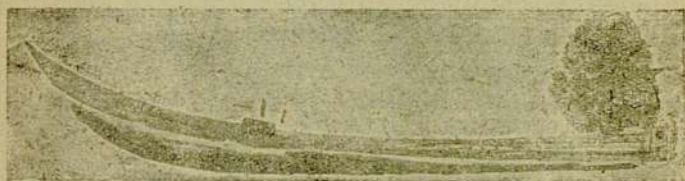
Коротконогий не послушал: ему самому хотелось убить зверя. Он ударил багром в ныряющую голову, но промахнулся.

Длинноногий перескочил с кормы на нос, оттолкнул товарища и замахнулся веслом.

Зверь плыл у самой лодки.

Длинноногий со всего маху опустил весло ему на голову.

Зверь увернулся.

Весло плеснуло по воде и выскользнуло у бродяги из рук.

— Бросай багор! — завопил длинноногий.

Коротконогий нацелил в шею животного и метнул багор, как копьё.

В то же мгновение рысь выскочила из воды всей передней частью тела.

Багор пролетел мимо. Передние лапы зверя коснулись борта.

— Скачок — и Мурзук очутился в лодке, готовый к новому прыжку.

— Скакай! — отчаянно закричал длинноногий и махнул за борт. Но коротконогий был уже в воде.

Вода была странно холодная. Все же бродяги чувствовали себя в ней лучше, чем в лодке с глазу на глаз с разъяренным зверем.

К счастью до берега было недалеко.

Через несколько минут бродяги, отчаянно ругаясь и отплеываясь, вылезли на набережную. Вода ручьями текла с них.

Лодка с Мурзуком плыла далеко по течению.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ КОМПАС И ТЕЛЕГРАФ

Лодка быстро несла Мурзука за черту города. Зверю не хотелось снова лезть в холодную воду. Он терпеть не мог воды, как все кошки, и попал в реку не по своей воле.

Светало.

Перед глазами Мурзука проплывали деревни, рощи, поля. Дальше река делала крутой поворот.

Лодка понеслась у самого берега.

Здесь на песчаном обрыве тянулся сосновый бор.

Мурзук спрыгнул в воду и через минуту взобрался на кручу.

Бор был редкий и без подлеска. Спрятаться в нем было трудно.

Все же это был настоящий лес, и Мурзук в первый раз с тех пор, как покинул сторожку Андреича, почувствовал себя хорошо. Глаза блестели и короткий обрубок хвоста двигался, как у веселого фокстерьера.

Мурзук быстрой кошачьей рысью побежал вперед. Ему хотелось есть, и он сильно устал, но сейчас было не до отдыха. Он не обращал внимания на маленьких птиц, поднимавшихся с земли при его приближении. Охота за ними требовала задержки, а он спешил добраться до густого леса.

Только когда дорогу ему перебежала мышь, Мурзук быстро схватил ее и съел на ходу.

Лес опускался под гору. Стали попадаться ели и березы. Деревья росли чаще. Под ногами был мягкий сырой мох.

Мурзук бежал вперед, все по одному и тому же направлению.

Сам зверь не отдавал себе отчета, куда но бежит. Но в груди его был словно компас, который направлял его бег.

Невидимая стрелка этого несущегося компаса указывала на северо-восток. Там, за четыреста верст от места, где находился зверь, стояла избушка старика Андренча и темнел родной лес Мурзука. Леса и реки, поля и деревни раскинулись между зверем и далекой целью его путешествия.

Солнце уже высоко стояло над деревьями. Мурзук пробирался теперь по густой чаще.

Наконец, он выбрал сухое местечко под ветвями большой ели, прижал брюхом опавшую хвою и лег, свернувшись клубком.

Через минуту он уже крепко спал.

Прошло часа два.

В лесу было тихо. Только на макушке большой ели звенела песенка крошечных корольков, да цикали синицы.

Зверь все еще спал.

Двое охотников осторожно пробирались через лес. С ним не было собаки, которая предупредила бы их о близости дичи. Они тихо раздвигали перед собой ветви, каждую минуту ожидая, что из чащи неожиданно выскочит заяц или с шумом поднимется глухарь.

Глубокий сон не помешал Мурзуку услышать издали приближение людей. Его уши даже во время сна чутко ловили малейший звук, как антенна беспроводного телеграфа ловит легчайшие колебания электрических волн.

Уши Мурзука повернулись в ту сторону, откуда шли охотники. Глаза открылись.

Мурзук знал, что идут два человека, один справа,

другой слева от него. Надо было или побежать прямо вперед или прятаться на месте.

Если бежать, люди могут заметить.

Мурзук остался.

Охотники поровнялись с ним. Они шли на расстоянии тридцати шагов друг от друга, не подозревая, что между ними лежит зверь с очень дорогой шкуркой.

Один из охотников остановился.

— Иди сюда, — негромко крикнул он другому, — и давай закурим. В этой чаще все равно ни черта нет.

Мурзук привстал.

Под кожей у него комками вздулись мышцы: он слышал, как охотники остановились и ждал, что они направятся в его сторону.

— погоди! — ответил другой охотник. — Дойдем до опушки, там закурим. В такой гущине никогда не знаешь, что тебя ждет через шаг.

— Идем!

И оба пошли вперед.

Комки под кожей Мурзука разгладились. Он прислушивался, пока шаги охотников замерли. Потом опустился на землю и опять погрузился в сон.

С вершины соседнего дерева на елку перепрыгнула белка. С ветки на ветку она все ниже и ниже опускалась к земле, пока вдруг не заметила под самым стволом рысь.

Зверёк замер на месте, боясь выдать себя хищнику. Пушистый, рыжий хвост совсем прикрыл спину, а глаза, впились в страшного зверя.

Но зверь не двигался.

Прошла минута, другая, третья.

Белка устала сидеть все в одной позе. Испуг ее прошел. Она прыгнула и быстро побежала по стволу вверх.

На большой высоте она почувствовала себя с полной безопасностью и с любопытством стала разглядывать невиданного зверя. Он лежал попрежнему без движения.

Любопытство разбирало белку все сильнее

Она опустилась книзу и уселась на нижней ветке ели.

Никак нельзя было понять: спит зверь или он мертв?

А может-быть он только притворяется?

Белка сердито зацокала и замахала пушистым хвостом. Дрогнул хоть ус на морде зверя, она мгновенно очутилась бы опять на вершине дерева.

Но рысь не шевельнулась.

Ясно, что она была мертва.

Любопытный зверек осторожно опустил ся, по стволу на землю, все еще стараясь держаться подальше от мертвого врага.

Он увидел, что глаза рыси плотно закрыты.

Маленькими, неловкими прыжками белка приблизилась по земле к труп у. Она опустил ась на короткие передние лапки и потянул ась усатой мордочкой к зверю, осторожно обнюхивая его.

Как молния, сверкнули зубы рыси, и кости белки хрустнули в ее пасти.

Слуховой телеграф Мурзук а работал исправно и при закрытых глазах зверя.

Позавтракав, Мурзук снова тронулся в путь по прежнему направлению.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СТРАШНЫЙ ВСАДНИК

Три дня Мурзук почти безостановочно подвигался вперед.

Часто по пути ему встречались села и поля. Он делал большие круги, чтобы на открытых местах не попасться на глаза врагам.

Питался Мурзук в дороге впроголодь, чем придется. И когда к ночи третьего дня добрался до большого дремучего леса, почувствовал, что силы изменяют ему.

В темноте Мурзук набрел на звериную тропу. Тропа пролегал а чащей и вела к болоту, куда летом косули и другие лесные звери ходили пить.

Тут можно было поохотиться за крупной дичью.

В одном месте наполовину вывороченное из земли дерево склонилось над самой тропой.

Мурзук взобрался на него и улегся ждать добычу.

Ночь была темная и холодная. Изморозь покрыла землю.

Проходил час за часом, но ни одно животное не показывалось на тропе. В холода звери лижут иней на траве и деревьях, а не ходят на водопой.

Но вот уши Мурзука уловили отдаленный хруст шагов. Кто-то шел по траве.

Мурзук собрал свое сильное тело в ком и уставился в темноту расширившимися глазами.

Шаги медленно приближались.

Это не могла быть косуля: слишком тяжела была поступь. Слышно было, как под ногами огромного животного трещат толстые сучья. Еще не зная, кто приближается, Мурзук чувствовал, что ему лучше отказаться от нападения на этого великана.

Но голод разжигал его кровожадность. Все его тело было напряжено, как тетива натянутого лука. Толчок — и трехпудовая стрела сорвется с дрогнувшего дерева.

Сучья трещали все ближе.

И вот острые глаза Мурзука различили в темноте громадную фигуру лося. Животное медленно шло по тропе.

Мурзук почувствовал страх: противник был слишком велик и силен.

Вот широкие рога лося чуть не коснулись склоненного над тропой ствола. Прямо под собой Мурзук увидал незащищенную спину животного.

И прыгнул. Задние лапы рыси впились в хребет и в бок лося: передние мертвой хваткой обхватили могучую шею.

Лось бешено рванулся вперед и побежал по тропе, мотая головой, брыкаясь и кидая из стороны в сторону.

Ветви хлестали Мурзука по бокам и голове, грозя вырвать глаза. Спину в кровь рвали закинутые рога лося. Мурзук ничего не замечал: все его внимание сосредоточилось на том, чтобы как-нибудь удержаться на спине обезумевшего от боли животного. Сорвись он на землю, — и ко-

нец: страшный удар рогами, а за ним целый град ударов крепкими, острыми копытами в голову, в грудь, в живот. И через минуту красивое тело хищника превратилось бы в бесформенную окровавленную грудку мяса.

Лось несся по тропе с невероятной для такого огромного животного быстротой. Страшный всадник ежеминутно мог впиться зубами ему в загривок и перегрызть жилы.

Только открытое место могло спасти лося: на узкой тропе между двумя стенами чащи могучее животное не могло развернуться и сросить со спины рысь.

Бешеная скачка продолжалась, и никто не мог бы сказать, кто осилит: всадник или конь.

Вдруг перед налившимися кровью глазами лося мелькнул просвет: чаща кончилась.

За ней начиналась большая поляна.

Лось вылетел на нее со всего маху и сразу погрузился по брюхо в топкое лесное болото.

Напрасно он напрягал свою огромную силу, стараясь вытянуть увязшие передние ноги.

Его тяжелое тело все глубже погружалось в топь.

Мурзук скользнул на шею животному и впился в загривок.

Через минуту лось странно захрипел и повалился на бок. Мурзук победил.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОБОРОТЕНЬ

Председатель волостного исполкома был очень удивлен, неожиданно получив бумажку с приказанием немедленно арестовать и препроводить в город лесного сторожа Андреича.

Председатель давно знал Андреича и никак не мог взять в толк, чем мог старик провиниться перед начальством?

Однако долго рассуждать не приходилось: в бумажке было ясно сказано, что надо делать.

Председатель вызвал двух милиционеров и передал им приказание начальства.

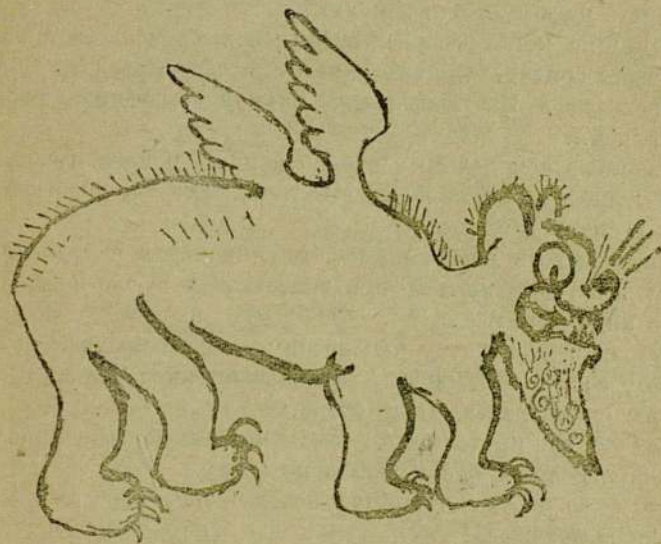
Милиционеры уже пошли, было, снаряжаться, но тут слу-

чилось такое, что их помощь немедленно потребовалась здесь же, в селе.

В двери исполкома с криком и плачем ворвалась целая толпа баб. Бабы были страшно напуганы и так галдели, что долго ничего нельзя было разобрать.

Кричали, что в селе появился оборотень.

Председатель велел милиционерам вытолкать всех их из избы. Оставил только одну, поспокойней, и велел рассказать все толком. Оказалось, накануне вечером бабы от

ничего делать — мужчины все были угнаны на станцию, на работу — собрались на посидки. Как водится, песни играли и рассказывали сказки. Одна рассказала очень страшное — про оборотней.

А утром — с полчаса тому — старуха Митревна этого самого оборотня и увидала.

Дело было так.

Пошла Митревна выпускать овец из хлева. Глядит, дверь распахнута, овец нет, а одна лежит на земле наполовину съедена. Митревна за сарай, а там овцы. Забились к забору, стоят в куче, дрожат и от каждого стука шарахаются.

Тут уж ей сразу в голову взбрело, что нечистой силой пахнет.

Только хотела соседку кликнуть, глядит — соседкин черный кот с плетня и к ней через двор идет.

Дошел до сарая, да как фыркнет, хвост трубой и назад бегом!

Тут-то оборотень и вывернулся — как из-под земли вырос!

Сам с собаку, лицо кошачье, хвост, да с бородой, куцый, а шерсть на нем белая, как мука.

Прыг на кота, разорвал зубами и махнул через забор, как через грядку, — словно у него крылья выросли.

Грохнулась Митревна оземь с испугу, завопила. Бабы сбежались...

Узнали в чем дело — и в исполком. Не пойдем, говорят в избы, пока оборотня не убьете, и мы сами ему кол осиновый в спину загоним.

Председатель распорядился: милиционерам немедленно к Митревне отправиться при винтовках и револьверах. И сам с ними пошел.

Нашли в хлеву овцу наполовину съеденную, нашли и черного кота разорванного. Обошли плетень и увидали на пороше следы неизвестного зверя.

Сейчас же председатель всех милиционеров на ноги поставил. Взяли собак и пошли по следу.

Это было днем, а что было ночью, — так никогда и не узнали в деревне.

Все еще спали, когда Мурзук подкрался по лесу к самой околице. С тех пор, как он убил лося, прошло уже несколько дней. В эти дни он опять мало ел и, наконец, сильно проголодался.

Он услышал из лесу блеяние овец и смело пробрался в деревню.

По крыше сарая он добрался до хлева.

Овцы всполошились, но Мурзук ударом лапы свалил одну из них. Другие распахнули дверь и вырвались на двор.

Мурзук спокойно принялся за еду.

Он успел съесть только половину овцы, когда Митревна вышла выпускать скот.

Завидев ее, Мурзук спрятался в сарай.

Там стояли мешки с мукой, и он весь выпачкался в мучной пыли.

Через приотворенную дверь сарая Мурзук разглядывал, что творилось на дворе.

Один вид черного кота привел его в ярость.

Мурзук выскочил из сарая и, не обращая внимания на женщину, тут же растерзал кота.

Следы больших когтистых лап рыси ясно отпечатались на рыхлом снегу. Собаки быстро побежали по ним к лесу.

Сзади спешил целый отряд стрелков.

Мурзук в это время уже спал, забравшись в чашу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ТРАВЛЯ

Впереди бежала матерая гончая, вся черная с рыжими подпалинами. Она уверенно и быстро вела всю свою свору в глубь чащи.

Собак было больше десятка. Они визжали и тявкали.

Мурзук слышал их издали.

Он сразу понял, в чем дело. Не теряя ни минуты, вскочил на ноги и, скользя меж кустами, побежал в глубину леса.

Хорошая собака легко может догнать рысь.

Мурзук знал, что ему не сдобровать, если он как-нибудь не обманет своих преследователей. И он пустился на хитрость, чтобы сбить их со следу.

Он повернулся и побежал назад, прямо навстречу собакам, старательно ступая по старому следу.

Пробежав так шагов пятьдесят, вдруг круто прыгнул в сторону — сделал скидку — и пошел петлять, все больше и больше запутывая след.

Собаки быстро разыскали лежку зверя.

По их неистовому лаю люди поняли, что собаки подняли зверя и гонят по теплomu следу. Стрелки полукругом рас-

сыпались по лесу, чтобы не упустить зверя, когда свора завернет его обратно.

А собаки уже добежали до „двойки“, где Мурзук шел назад по своему следу. Сгоряча они проскочили вперед — и неожиданно потеряли след.

Напрасно они растерянно бегали кругом, обнюхивая землю: зверь точно на крыльях поднялся.

Только опытная гончая сразу поняла хитрую уловку.

Она вернулась до конца двойного следа и тут дала большой круг.

Скидка рыси оказалась в кустах за две сажени от следа.

Гончая подала голос, и вся свора сейчас же бросилась за ней.

Собаки быстро распутывали петлю за петлей.

Гончая первая заметила, что след обрывается у корней толстого, сильно наклоненного к земле дерева. Она обнюхала ствол и ей стало ясно, что рысь взобралась по нему вверх.

Собаки бешено запрыгали вокруг дерева.

Скоро подоспели стрелки.

Теперь зверь был у них в руках. Собаки сделали свое дело: загнали его на дерево. Стрелкам оставалось только свалить рысь оттуда меткой пулей.

Дерево было густое, и зверя не было видно в ветвях.

Один из стрелков стал сильно стучать прикладом по стволу, чтобы выпугнуть его. Другие приготовились стрелять.

Зверь не показывался.

Тогда стрелок выпалил, целясь вдоль ствола.

Опять неудача.

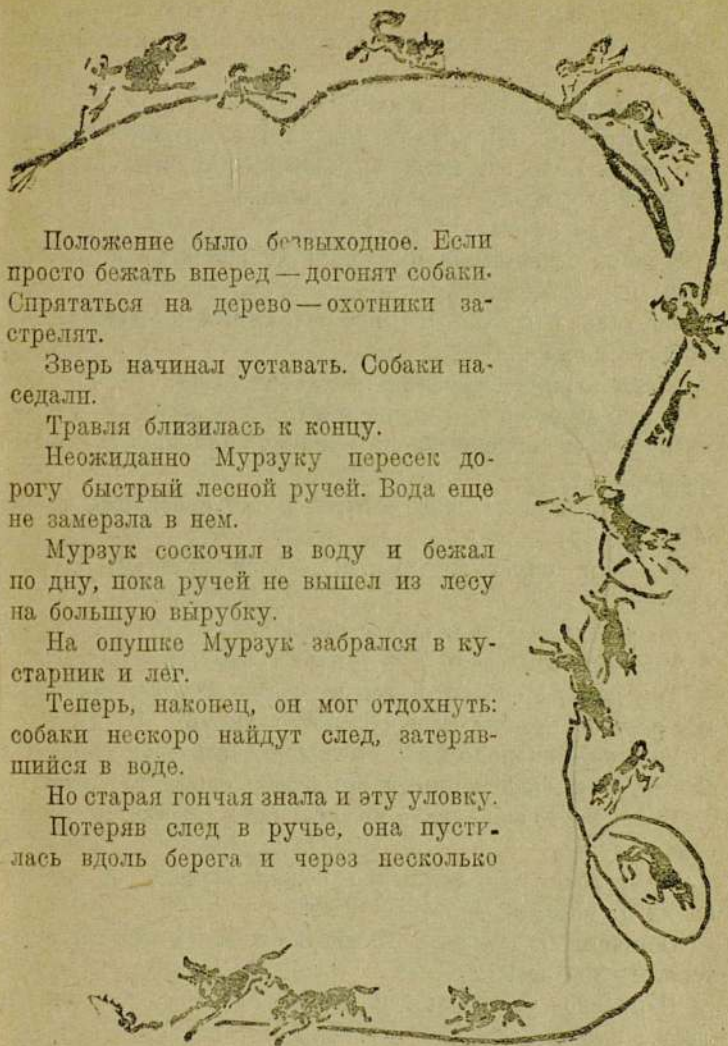
Стало ясно, что на дереве рыси нет.

В это время гончая снова затыкала в чаще. Там опять начинался след рыси.

Оказалось, зверь пробежал вдоль всего склоненного к земле ствола и сильным прыжком перенесся далеко в чащу.

Снова начался гон.

Мурзук в эту минуту бежал уже далеко впереди. Последняя хитрость помогла ему выиграть время. Но вот опять по его пятам неслись собаки.

Положение было безвыходное. Если просто бежать вперед — догонят собаки. Спрятаться на дерево — охотники застрелят.

Зверь начинал уставать. Собаки наседали.

Травля близилась к концу.

Неожиданно Мурзуку пересек дорогу быстрый лесной ручей. Вода еще не замерзла в нем.

Мурзук соскочил в воду и бежал по дну, пока ручей не вышел из лесу на большую вырубку.

На опушке Мурзук забрался в кустарник и лёг.

Теперь, наконец, он мог отдохнуть: собаки нескоро найдут след, затерявшийся в воде.

Но старая гончая знала и эту уловку.

Потеряв след в ручье, она пустилась вдоль берега и через несколько

минут привела свору к густому кустарнику на краю большой вырубке.

Собаки окружили Мурзук сразу с трех сторон. Ему ничего не оставалось, как только выскочить на вырубку.

Гончая залилась по зрячему.

На открытой вырубке собаки быстро догоняли утомленную рысь. Если они сами не сумеют задушить зверя, они удержат его, пока прибегут охотники.

Спасенья не было.

Мурзук отчаянными прыжками старался уйти от своры, чтобы первым достигнуть леса.

Но старая гончая и с ней три самых быстрых собаки были уже рядом.

Сзади между деревьями поспевали люди.

Вдруг Мурзук, как скошенный, кувырнулся в снег.

Падая, он опрокинулся на спину, мелькнув в воздухе лапами.

Стрелки видели, как четыре собаки сразу накиннулись на зверя.

Стрелки опустили ружья: собаки разорвут зверя в клочья.

Но что такое случилось с ними?

Ударом лапы зверь разможил голову гончей.

Три других собаки, раненые, с воем осели в снег: Мурзук работал сразу всеми четырьмя лапами.

Раньше, чем подоспела отставшая свора, он снова уже был на ногах и огромными прыжками скрылся в лесу.

Вокруг него защелкали по деревьям пули растерявшихся стрелков.

Но Мурзук хладнокровно бежал вперед, не забывая время от времени делать скидки.

Оставшиеся без опытного вожака собаки скоро совсем потеряли след зверя.

Напрасно охотники до самого вечера бродили по лесу.

Они вернулись домой с пустыми руками.

ДРУГ

Андреич сидел на крыльце своей избы, опустив на руку седую голову.

Он недавно вернулся из лесу. Козы с утра ушли со двора. Старик долго старался загнать их домой, но упрямые животные никак его не слушались.

Уже месяц, как сдохла старая корова Андреича, и старик питался с тех пор одним козьим молоком.

Сегодня он еще ничего не ел и совсем ослаб. Сил не было подняться и снова брести в лес загонять коз.

Старик вспомнил, как ловко делал это его верный Мурзук, и тяжело вздохнул. Ему сильно захотелось узнать, что случилось с его любимцем.

Бежал ли он из зверинца и бродит теперь где-нибудь по лесам? Или медленно умирает в клетке?

Быстрый стук копыт по мерзлой земле заставил старика поднять голову.

Он с удивлением увидел, что козы бешеным галопом мчатся по лугу прямо к нему в ограду.

„Уж не медведь ли?“ — тревожно подумал Андреич.

Козы пронеслись по двору и в испуге забились в хлев.

В ту же минуту в воротах показалась рысь и широкими прыжками кинулась на грудь старику.

— Сынок? — только и мог выговорить Андреич, обнимая лохматую голову зверя.

Минуты бежали.

Только через час вспомнил Андреич, что голоден. Он подоил козу и поделился молоком с другом.

— Это тебе гостинец, — сказал он Мурзуку. — А теперь ступай-ка в лес, промысли себе дичинки на обед. К ночи только назад ворочайся: вместе-то все веселей.

Мурзук послушал хозяина, лизнул ему руку, повернулся и пошел в лес.

Только тут старик заметил, что хвост зверя словно обрублен.

„Где же это его так обкарнали?“ — подумал старик.

Но раздумывать об этом было неприятно.

„Теперь злое миновалось“, — радостно подумал Андреич и закрыл глаза.

Осеннее солнце ласково грело его больное тело.

Старик задремал на крылечке.

Его разбудил грубый окрик.

— Эй, старина, подымайся! Арестовать тебя приехали. Собирай монетки — и айда за нами!

Сперва Андреич ничего не мог сообразить.

Перед ним стояли двое милиционеров с винтовками за плечами. Они держали за собой лошадей в поводу.

— Что вы, родные! Али подшутить вздумали над стариком?

— Шутки тебе в городе покажут! — сурово сказал старший милиционер. — Велено тебя на станцию доставить.

— Наше дело сторона, — миролюбиво добавил другой. — За что, про что — нам неведомо. Сам-то ты, поди, лучше нашего знаешь?

Слово „город“ сразу все объяснило Андреичу.

— Добрались-таки! — подумал он. — Ну, что же: мне так и так помирать. Навряд и до города довезут. Зато хоть Мурзук на воле.

Старик не чувствовал никакой вражды к тем, кто хотел привлечь его к суду за его поступок.

— Видно уж так тому и быть, — спокойно он сказал милиционерам. — А вина за мной есть. Пожалел я, родные, зверя одного. Из клетки выпустил в городу. Зверь этот воспитанник мне был и первый друг.

— Это какой зверь?— полюбопытствовал младший из милиционеров.

— А рысь.

Милиционеры переглянулись.

— Рысь?— переспросил старший.— Куцая?

— Куцая. Должно в зверинце это ее обкарнали.

— Так и есть!— сказал старший.— Да тебя за такого воспитанника расстрелять мало. Он у нас вчера лучшую на селе собаку убил. Обожди, мы еще с него шкуру спустим.

— Ну, чего стал!— набросился вдруг милиционер на Андреича.— Некогда нам с тобой ласы точить!— Сматывайся живей!

— Да я весь тут,— сказал Андреич.— Обожди только — шапку возьму.

Он сообразил, что надо скорей отправиться со двора. А то вернется Мурзук, и обозленные милиционеры тут же пристрелят его.

Спустя две минуты Андреич вышел из ворот. По бокам его ехали милиционеры.

Старик обернулся в последний раз взглянув на свою избу — и вздрогнул: сзади догонял его Мурзук.

Старший милиционер тоже оглянулся и увидел рысь.

Он быстро сдернул с плеча винтовку, приложился и выстрелил.

Пуля щелкнула в избу, отхватив узкую щепку.

Трехсаженным прыжком Мурзук бросился на круп лошади, но сорвался. Кони рванули. Что-то крикнул Андреич.

Но рядом с ним уже никого не было.

Перепуганные кони мчались по лугу. Седоки могли думать только о том, чтобы как-нибудь удержаться в седле.

Мурзук гнался за ними.

Милиционерам удалось остановить вспененных коней только за несколько верст от лесной сторожки.

Нельзя было и думать вернуться назад верхами.

Они решили доложить о происшедшем председателю и завтра потребовать себе подкрепление для охоты за зверем и ареста старика.

Мурзук не сразу вернулся домой. Он опять скрылся в лес и занялся там охотой.

Ему посчастливилось набрести на тетеревов.

Беззвучно подкрался зверь из-за куста и схватил старого косача в то мгновение, когда тот поднялся с земли.

Однако есть добычу Мурзук не стал. Он придушил птицу и с нею в зубах вернулся к хозяину.

Андрейч сидел на земле, прислонившись спиной к ступенькам крыльца. Глаза его были закрыты.

Мурзук положил дичь к его ногам и легонько ткнул старика носом.

Андрейч медленно повалился на землю.

Мурзук прильнул к нему лохматой мордой, поднял голову и тихо, тоскливо завыл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда на следующий день отряд милиции окружил лесную сторожку, труп Андрейча еще лежал на ступеньках крыльца. Но все поиски рыси не привели ни к чему. Мурзук исчез.

Проходил месяц за месяцем.

В избушке Андрейча поселился новый лесной сторож.

Скоро в окрестных деревнях забыли одинокого старика. Забыли и его ручного зверя.

Однако в разных провинциальных газетах стали появляться заметки о необычайно крупной и дерзкой рыси.

Писали, что зверь то тут, то там делает набеги на деревни, режет скот и разрывает домашних кошек. Попытки застрелить его неизменно кончаются неудачей.

По короткому обрубку хвоста и замечательному знанию людских привычек в этом бесстрашном звере легко признать Мурзука.

Последнее известие о нем промелькнуло в одной из газет северной окраины нашей республики.

Спасаясь от преследования, Мурзук забрался в глубину леса, где следы его затерялись в густой чаще. Охотники не решались искать его там.

В дремучих лесах Севера человек с оглядкой пробирается темной чащей. Он знает, что настороженные уши слышат каждый его шаг и невидимые глаза неотступно следят за ним из-за густых деревьев. Знает, что затравленный зверь будет до конца защищать свою жизнь и ни с кем не побоялся вступить в единоборство. И человек уже не чувствует себя там, как в городе, безграничным владыкой над всеми тварями.

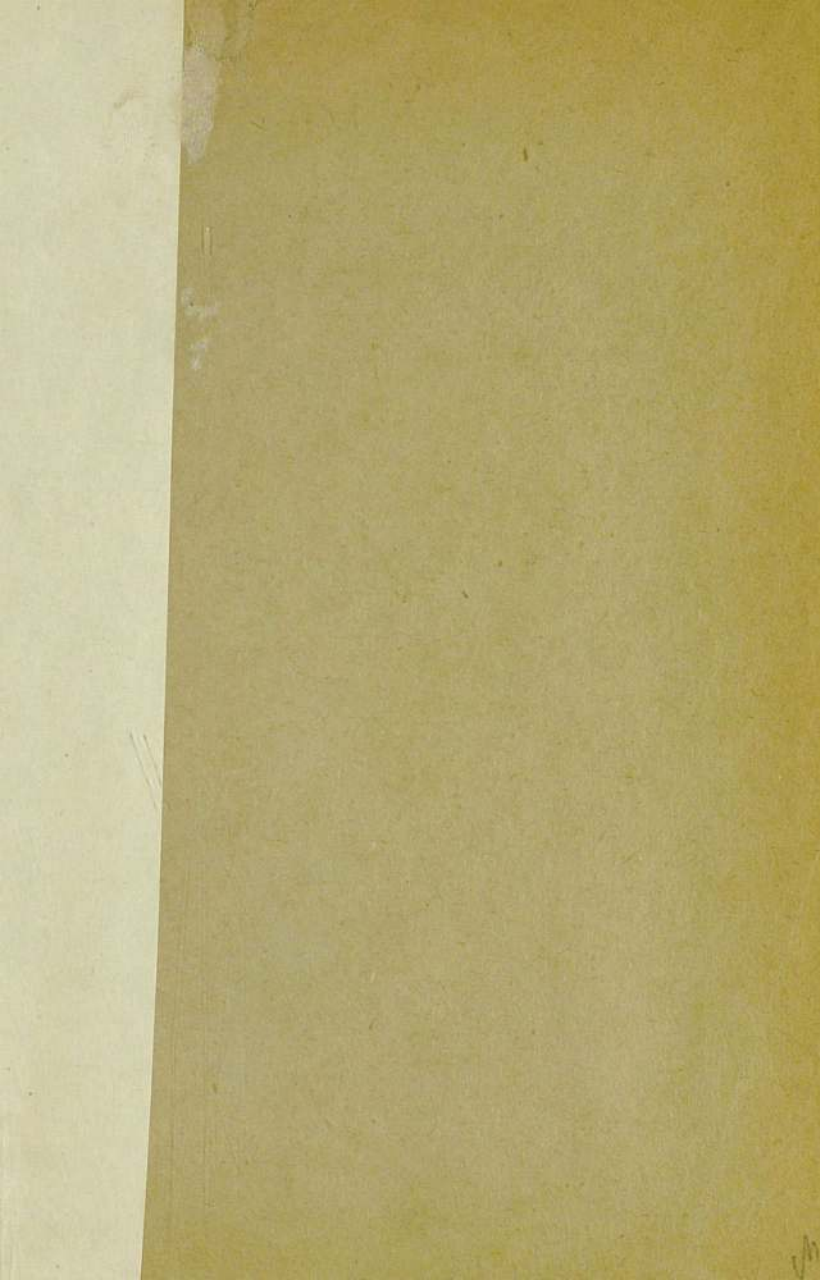
Там, на Севере, Мурзук нашел себе надежное убежище.

С тех пор он не показывается больше на глаза людям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава	I	На просеке	3
»	II	Мурзук получает имя и помилование	9
»	III	Детство и воспитание	12
»	IV	Незванный гость	15
»	V	М-р Джекобс выигрывает пари	18
»	VI	В тюрьме	22
»	VII	Ночью	25
»	VIII	Бунт	29
»	IX	Свидание	34
»	X	М-р Джекобс тренируется	40
»	XI	Страх	43
»	XII	На реке	46
»	XIII	Компас и телеграф	50
»	XIV	Страшный всадник	53
»	XV	Оборотень	56
»	XVI	Травля	59
»	XVII	Друг	63
Заключение			66

1507

100 =

